

кам тюркским [4; 5, с. 94]. Для Малова, которого, по словам А.М. Щербака, отличало “редкое сочетание огромного стремления непрерывно накапливать материалы с осторожным и исключительно трезвым осмыслением собранных фактов” (цит. по [6, с. 140]), были органически неприемлемы концепция «единого среднеазиатско-турецкого»^{**} (а не “чагатайского” или “восточно-турецкого”) литературного языка исламской эпохи» [7, с. 21], сформулированная Самойловичем, декларативность его взглядов на “возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями” [8] (курсив наш. – Г.Б.). В силу недостаточной степени изученности памятников Малов считал преждевременным ставить вопрос «об отношении народного языка уйгуров к письменному, книжному языку буддийской уйгурской литературы...» [4, с. 94]. То же можно сказать и о чагатайском языке, “едином” (!) от Пекина до Турции» [5, с. 6]. Складывавшаяся, по-видимому, к 30-м гг. подспудная полемичность в научных воззрениях обоих ученых на историю литературных языков проявится впоследствии, а пока, в 1918–1922 гг. шла оживленная переписка молодых коллег, один из которых живет в Петрограде, общепризнанном мировом востоковедном центре, другой же, с чувством одиночества и сиротливости переживая отъезды коллег-востоковедов, “начинает подумывать покинуть родную Казань” ради “какой-либо вакансии где-либо в Музее или библиотеке” в Петрограде. В публикуемых письмах отражена благожелательность, доверчивая открытость, просьбы о содействии в делах научных и житейских со стороны С.Е. Малова, а со стороны А.Н. Самойловича, только что избранного ректором Петроградского университета, – реальная помощь в жизненно важном для дальнейшей научной судьбы Малова устройстве его на штатную преподавательскую работу в этом университете.

Из публикуемых ниже писем вырисовывается образ С.Е. Малова – чистого, цельного, целеустремленного человека с твердым характером и убеждениями и вместе с тем несколько наивного. Мечтая в 1921 г. о третьей поездке в Центральный Китай, он просит Самойловича посодействовать ему и прилагает к письму копию своего прошения в Этнографический отдел Наркомпроса и в Государственный ученый совет. При этом он простодушно надеется, что в период разрухи он сможет получить на поездку “субсидию в десять тысяч рублей золотом по довоенному дореволю-

ционному счету”, оборудование, необходимое для работы в полевых условиях, да еще сохранение получаемого им содержания для семьи в три человека. К тому же Малов еще не понимал, что в новом обществе уже сложилась система нивелировки личности, где внимание к индивидуальности, тем более выдающейся, считалось излишним. Это было тонко и точно подмечено в 1927 г. австрийским журналистом и писателем Й. Ротом, побывавшим в ту пору в России: “...в Советской стране существует огромная, широкая, запутанная система управления, запутанная, надо сказать, искусно и тонко, и внутри этой системы любой человек представляет собой маленькую или большую точку, связанную с другой точкой, побольше, и не имеет понятия, какую роль он играет для целого” [9, с. 71] (ср. сталинские “винтики”).

В заключение отметим, что публикуемые письма дают живое и непосредственное представление о научной жизни в Казани в 1918–1922 гг., о быте и судьбах ученых в этот сложный для страны период. Шесть писем С.Е. Малова включены в архив репрессированного академика А.Н. Самойловича, хранящийся в отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ф. 671, оп. 487, разр. VI, ед. хр. 221).

Г.Ф. Благова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев Э.Р. Воспоминания желтых уйгуров о С.Е. Малове // Известия Ан КазССР. Серия филологии и искусствоведения. Вып. 1(14), Алма-Ата, 1960.
2. Самойлович А.Н. Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I – Текст. Пг. 1917 (Изд. факта вост. языков Петроградск. ун-та, № 44).
3. Тенишев Э.Р. С.Е. Малов – исследователь современных тюркских языков // Тюркологический сборник 1975. М., 1978.
4. Малов С.Е. *Sutāpatra dharani* в уйгурской редакции // Докл. АН СССР. Сер. 13. 1930. № 5.
5. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.: Л., 1952.
6. Гузев В.Г. Сергей Ефимович Малов // Сов. тюркология, 1970. № 2.
7. Самойлович А.Н. К истории среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али-Шир. Л., 1928.
8. Самойлович А.Н. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями [Публикация Д.М. Насилова] // Сов. тюркология, 1973. № 5.
9. Рот Й. Бегство без конца. Невыдуманная история. СПб., 1996.

^{**}Здесь и ниже, в публикуемых письмах сохранены авторская терминология, например, “турецкий” (вм. “тюркский”), и написания: “Ангара” вм. Анкара, “Чжунгария” вм. Джунгария, “Владимирцев” вм. Владимирцов, избыточное использование заглавных букв в названиях научных учреждений.